

ББК 63.3(2)531-422

Е.М. Чедурова

Роль кооперации в деле снабжения крестьянского хозяйства техникой в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное товарищество, аграрные технологии, сельскохозяйственная техника, ссыпные пункты, опытные поля, станции.
Key words: cooperation, cooperative society, agrarian technologies, agricultural techniques, pouring points, experiment fields, stations.

На рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство, изживавшее старые формы земледелия, приступило к созданию новых хозяйственных систем: быстрыми темпами развивалось травосеяние, неуклонно увеличивались площади под яровые, повсеместно менялся инвентарь, крепились кооперативные формы маслоделия, т.е. путем многих незаметных на первый взгляд усовершенствований в регионе создавался в целом новый тип земледелия.

Именно с этой целью и появились в Сибири агрономы, кооператоры, земские статистики, которые, изучая крестьянское хозяйство, вникали в основы его организации, выискивая новые пути и возможности для его дальнейшего развития и совершенствования.

Общий подъем сельского хозяйства в целом, перенос центра тяжести на крестьянское производство, оживление агрономической службы и кооперации, пристальное внимание к крестьянскому хозяйству земских статистиков, переориентация программ вузов сельскохозяйственного профиля на изучение сельскохозяйственной наукой крестьянского хозяйства – все это явилось в изучаемое время предпосылками для зарождения у передовых сил общества новой экономической ориентации в деле развития народного хозяйства страны. Новое направление аграрного развития и региона, и страны в целом опиралось именно на кооперацию, в том числе и западносибирскую, ставшую не только эффективным механизмом регулирования рыночных отношений, но и одним из действенных средств совершенствования форм сельскохозяйственного производства. Дореволюционная кооперация, действовавшая, как известно, в рамках закона, способствовала хозяйственному и иному прогрессу страны и ее деревни, в частности, она помогала мелкому хозяйству отстаивать свою самостоятельность в условиях рыночных отношениях. Правительство по возможности поддерживало деятельность кооператоров, идя им на встречу при внедрении новых аграрных технологий в производство. В рамках столыпинского аграрного курса, особенно на втором этапе его осуществления, когда делался упор на создание массового слоя земледельцев, радио-

нально ведущих свое трудовое хозяйство, кооперация получила возможности и для своего развития как вширь, так и вглубь: она способствовала материально-техническому и агрикультурному совершенствованию мелкого крестьянского хозяйства.

Быстрое и «глубокое» развитие капитализма в сибирской деревне в эпоху аграрных реформ проявилось не только в росте сельскохозяйственного производства и проникновении крупного русского и иностранного капитала в него, но и в неуклонном увеличении применяемых в сельском хозяйстве машин и усовершенствованных орудий. Их применение, в свою очередь, способствовало и развитию капиталистических отношений в деревне. Рост потребления сельскохозяйственных машин и орудий в Сибири, и это надо подчеркнуть, шел значительно быстрее, чем в России в целом. Если в 1900–1913 гг. их «потребление» увеличилось в стране в 4 раза (на 391%), то в Сибири – в 16 раз (на 1633%). В среднем с 1910 по 1913 г. в Сибири продавалось машин на 20,7 млн руб., а это 17–18% всего их потребления России, в то время как посевные площади ее составляли лишь 8% от общероссийских [1, с. 322].

В 1911–1913 гг. на рынки России поступило более чем на 100 млн руб. сельскохозяйственных машин и орудий (русского производства – на 43703 тыс. руб. и иностранного – на 58176 тыс. руб.) [2, с. 172]. В Западной Сибири продавали главным образом американские сельскохозяйственные машины и орудия. Так, по данным сельскохозяйственного обзора Алтайского округа, за трехлетие (с 1886 по 1888 г.) Гурьевским заводом было продано запасных частей для 4440 плугов, 687 веялок, боронных зубьев для 1500 борон. Тогда начала свою деятельность и контора «Столь и К^о». Ее предприятия начали комиссионную продажу и организовали деятельность своих агентов в центрах, а также на складах, открытых компанией. Набирая обороты в деле продажи сельскохозяйственных машин и запасных частей, она довела их сбыт в 1899 г. до 62 тыс. руб., а к 1900 г. – до 100 тыс. руб. На территории Алтайского округа этим занималось Санкт-Петербургское общество для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Начав свою деятельность в конце 1898 г., оно довело объем своих операций к 1899 г. до 51 тыс. руб. [3, с. 42, 46]. Судя по данным управления Омской железной дороги, из всего количества ввезенных с 1903 по 1909 г. в Западную Сибирь машин и орудий около 70% поступило из-за границы [2, с. 172].

Применение новых и усовершенствованных машин и орудий способствовало значительному росту посевных площадей в Западной Сибири. При этом надо отметить одну особенность указанного процесса: рост посевных площадей в Западной Сибири в начале XX в. значительно опережал прирост населения. Это обстоятельство привело к тому, что деревня стала испытывать острый недостаток в рабочей силе, устранить который она старалась путем внедрения в производство новых технологий, машин и оборудования. На помощь ей в этом деле и пришла кооперация, обеспечивавшая кооперативные хозяйства машинами и материалами по доступным ценам. С 1906 по 1911 г. кооперативами Сибири было приобретено сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий на 84 млн руб. [2, с. 171], причем в основном это были зерноочистительные машины, ввезенные из-за границы, и в меньшей степени – орудия для обработки земли.

Изучая процесс распространения сельскохозяйственных машин и орудий в Сибири, И.А. Асалханов выделил в нем три периода: первый – с конца XIX в. до 1902 г.; второй – с 1902 по 1908 г. и третий – с 1908 до 1913 г. [2, с. 173].

Характеризуя развитие этого процесса до 1902 г., следует отметить, что в сбыте машин и орудий не было какой-либо планомерности. Продавцы знакомились с местными условиями и выбирали для покупателей более подходящие для них типы машин и орудий, которые потом продавали в кредит. Однако после 1902 г. положение на рынке сбыта сельскохозяйственных машин изменилось. Отныне кооператоры стали приобретать в свои хозяйства те орудия, которые подходили для сибирских условий. Теперь торговые агенты фирм начали уже регулировать продажу и старались сбыть машины за наличный расчет, а если продавали в кредит, то под задаток. Такая распродажа сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий велась до 1908 г. В этот период то и другое покупали, главным образом, зажиточные крестьяне.

Все возрастающий спрос на сельскохозяйственные машины привел к тому, что некоторые иностранные фирмы перенесли свою деятельность в Сибирь. Так, например, американская фирма, которая ранее работала через российские посреднические фирмы, сама открывает контору в Омске. Это усилило ранее бытовавшую конкуренцию между уже существовавшими фирмами и вновь открывшимися в Сибири, что, в свою очередь, резко изменило условия сбыта техники в регионе. Теперь машины стали отпускать на более льготных условиях, а кредит стали давать на 2–3 года, существенно снизился и размер задатка (до 1/10 и 1/20 стоимости товара). Это давало возможность приобретать товар не только крупным, но и более мелким кооперативным хозяйствам. И все же в этих непростых для себя условиях иностранные фирмы нашли свою нишу: они умело использовали слабость российского

сельскохозяйственного машиностроения для своего проникновения в экономику сибирской деревни. К примеру, в 1914 г. продажей сельскохозяйственных машин крестьянам занималось более 20 отечественных и зарубежных фирм. В числе последних особенно преуспели «Международная компания жатвенных машин в России» (США), «Сибирская компания» (Дания), «В.Г. Столь и К» (Воронеж), «Братья Винокуровы» (с. Камень Барнаульского уезда) и др. Российские и иностранные фирмы и их правления находились, как правило, в городах Европейской России, а их отделения и склады были разбросаны по всей Западной Сибири. В результате этого общий оборот капиталистических фирм по сбыту машин в Сибири за период с 1908 по 1913 г. составил почти в 84 млн руб., в том числе переселенческих складов – 37,2 млн руб. Торговые фирмы сбывали в Западной Сибири более двух третей всех сельскохозяйственных машин [4, с. 244]. Согласно официальным данным, с 1898 по 1914 г. в Сибири было продано сельскохозяйственных машин и орудий на сумму почти в 160 млн руб., или в среднем на 9,4 млн руб. в год, или более трети (34,7%) машин и орудий, проданных в Сибири с 1902 по 1912 г., из которых на Томскую губернию, а точнее на Барнаульский, Бийский, Змеиногорский и Кузнецкий уезды Алтайского округа приходилось 21,5% [2, с. 173].

Почти половину всех машин продавали, как уже упоминалось выше, через кредитную кооперацию. Обычно от четверти до трети всей стоимости покупатель оплачивал наличными, а остальная сумма вносилась им в течение двух лет с надбавкой 6% годовых. При несвоевременной уплате очередного взноса с покупателя взыскивалась пеня – дополнительно еще 8% от просроченной суммы.

Нередко предприятия сами устанавливали связи с кредитными товариществами. Одним из первых (еще в 1905 г.) вступило в торговые отношения с учреждениями мелкого кредита в Сибири акционерное общество «Джон Гриевз и К», имевшее контору и центральный склад в Омске. В середине 1912 г. с ним уже сотрудничали 50 кредитных товариществ. Фирма продавала машины кооперативам, с доставкой их к месту назначения на комиссионных началах и в кредит. Перепродавая машины капиталистических фирм крестьянам, кредитные товарищества получали с них при комиссионной продаже 10%, а при продаже по «твердому счету» – 22% прибыли. Отсутствие наличных средств понуждало крестьян обращаться в банк за ссудами. В течение 1906–1915 гг. Тобольское, Омское, Петропавловское, Томское и Барнаульское отделения Государственного банка выдали им на покупку сельскохозяйственных машин и орудий около 36 млн руб. [4, с. 119, 201].

Распространение машинной техники сопровождалось и совершенствованием форм торговли. Следует подчеркнуть, что купеческий капитал и ярмарки в сбыте машин и оборудования большой роли не игра-

ли. Чаще всего в начале XX в. использовались для этих целей коммерческие конторы, агентства и такие формы торговли, как продажа по образцам, реклама, демонстрация машин и др. Так, например, близ д. Рябковой, Курганского уезда 24 июня 1907 г. товариществом «В.Г. Столь и К^о» проводилась демонстрация плугов: американский дисковый плуг фабрики Штануг, плуг фирмы «Ленин-Вештау» и товарищества «Столь», трехлемешной плуг и пружинная борона товарищества «Столь». Показало технику и товарищество «Тобол» – плуги №2 и №3. Сельскохозяйственный инвентарь, получив одобрение со стороны кооператоров, был тут же и приобретен. Был также продемонстрирован и опрыскиватель Вильмарена для обработки растений «швейнфуртской зеленью» [5, с. 121].

Правила продажи инвентаря и сельскохозяйственных орудий были выработаны Переселенческим управлением и представлены затем в бюджетную комиссию IV Государственной Думы. Они предполагали сбыт инвентаря и орудий кооперативам со складов в кредит и за наличные (с большой скидкой). По подсчетам Л.Ф. Склярова, в 1913 г. со складов Переселенческого управления приобрели товары 113, а в 1914 г. – уже 300 кооперативов [6, с. 64]. Стимулом для роста такого рода торговли, естественно, служили льготные условия продажи техники.

Конкурентная борьба фирм, льготы, скидки, кредит и другие «уловки» торговцев, вне сомнения, содействовали росту обеспеченности сибирского сельского хозяйства усовершенствованным инвентарем. Например, в 1912 г. в Барнаульском уезде Томской губернии «среднесостоятельный крестьянин» имел, как правило, 2 плуга, изготовленных на заводе Гена, Брянском, Коломенском и других предприятиях, несколько борон с железными зубьями различной тяжести, сенокосилку, веялку, круговые решета и мелкий инвентарь. У более состоятельных крестьян, наряду с перечисленным, довольно часто имелись дисковая пружинная борона, буккер или рядовая сеялка, сноповязалка, иногда «триер» – веялка-сортировка. Их потребности в сельскохозяйственных орудиях и машинах в большинстве своем удовлетворяли частные казенные склады, где условия продажи были доступными для покупателей, так как они практиковали большие рассрочки в платежах и располагали достаточным количеством и разнообразием запасных частей [7, с. 15].

С 21 по 23 ноября 1915 г. в Барнауле проходило общее собрание уполномоченных кредитных товариществ Барнаульского уезда. В докладе Г.Н. Берсенева – инспектора мелкого кредита – было отмечено, что в 1911 г. кредитные товарищества Алтая продали крестьянам сельскохозяйственных машин на 1 млн руб. [8, с. 59]. А всего же с 1897 по 1914 г. сельскохозяйственные склады Переселенческого управления продали

крестьянам товаров на 62,3 млн руб. Если учесть, что на долю его складов приходилась треть продаваемых товаров (в 1908–1913 гг. – 32,5%), то общая сумма, на которую были проданы машины и орудия, составила не менее 190 млн руб. [4, с. 245].

В годы Первой мировой войны наряду с заготовками и поставками для армии скупкой и вывозом сельскохозяйственной продукции на внутренний и внешний рынок кооперативы занимались и снабжением крестьян современными машинами и орудиями. Продажа их в 1914–1917 гг. имела тенденцию к росту. Так, в 1917 г. только Алтайский кредитный союз, объединявший в своих рядах 185 кредитных товариществ (74,5 тыс. чел.), продал крестьянам различной техники на 2,4 млн руб. А Закупсбыт, включавший в свой состав 2700 потребительских обществ и имевший общий оборот 135 млн руб., поставил на рынок инвентаря на 40 млн золотых рублей [9, с. 130].

Привоз в Западную Сибирь сельскохозяйственных орудий, машин и запасных частей к ним выглядел в 1913–1916 гг., согласно источникам, следующим образом: в 1913 г. – 4339168 пуд.; в 1914 г. – 2319029; в 1915 г. – 1364214 и в 1916 г. – 597554 пуд. [5, с. 122]. Приведенные данные относятся, в основном, к привозу инвентаря, как из-за границы, так и из разных областей России. При этом следует отметить, что поставка сельскохозяйственных орудий в Западную Сибирь с начала войны стала сокращаться. Так, в 1916 г. она составила лишь седьмую часть привоза 1915 г. Это объяснялось тем, что в годы войны как внутреннее производство, так и привоз товаров из-за границы резко снизились. Количество выпускаемых в стране сельскохозяйственных орудий и машин не могло приблизиться к довоенному уровню, хотя потребность в сельскохозяйственных орудиях в целом по стране возросла.

Интенсивность внедрения техники в сельскохозяйственное производство Западной Сибири в рассматриваемое время, как уже отмечалось выше, была значительной. Вот лишь некоторые примеры. Так, применение сеялок и веялок в Барнаульском уезде за 7 лет выросло в 3 раза, в Змеиногорском уезде – в 30 раз, в 2,5 раза увеличилось применение молотилок и в 3 раза – косилок [10, с. 108–109].

В целом по Томской губернии к 1917 г., по сравнению с 1910 г., количество сельхозинвентаря заметно возросло, в частности, сеялок – почти в 11 раз, косилок – в 6 раз, молотилок – в 4 раза, плугов – почти в 2 раза и конных граблей – почти в 6 раз [11, с. 108–113]. Это, естественно, не могло не сказаться на уровне развития земледелия. Но, несмотря на это, в 1914–1917 гг. темпы роста оснащенности сельского хозяйства в губернии и в регионе в целом были не столь велики, как в предвоенные годы. Исключение составил лишь неусовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь (однолемешные плуги, бороны и

др.), количество которого незначительно сократилось, хотя число хозяйств, имевших данные орудия, не уменьшилось. Это обстоятельство, естественно, отразилось на «вооруженности» отрасли в расчете на единицу посева.

Так, на 100 десятин посева в Томской губернии приходилось 14,35 плуга, 2,0 жнейки, 4,16 веялки. В Европейской России это соотношение составляло 10,2, 1,07, 2,58 соответственно. Преобладающим орудием там в это время по-прежнему была соха. В Западной же Сибири на смену ей пришли усовершенствованные орудия, составлявшие в арсенале крестьянина от 65% (Барнаульский уезд) до 90% (Тарский уезд) [5, с. 124]. Однако если говорить о сельском хозяйстве в Западной Сибири в целом, то следует отметить, что машин и усовершенствованных орудий не имела одна пятая часть крестьянских хозяйств (21,1%). В Европейской России этот показатель был еще выше: в 34 губерниях их не имели 52% крестьянских хозяйств [2, с. 177]. Другое дело, когда речь заходила о предпринимательских хозяйствах зажиточных крестьян.

По уровню применения наемного труда и степени обеспеченности усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями особенно выделялись группы крестьян, имевшие свыше 15 десятин посева на одно хозяйство, они были обеспечены от 42 до 78% каждое. В их распоряжении имелся, причем в достаточном количестве, весь комплекс указанных выше сельскохозяйственных орудий. Но, несмотря на это, общая обеспеченность крестьянских хозяйств некоторыми видами сельскохозяйственной техники была в регионе все же недостаточной. Так, к примеру, один плуг в Томской губернии приходился на 1,6 хозяйства [12, с. 13], одна сеялка – на 70 хозяйств [13, с. 61]. Если это перевести на десятины, то сеялка приходилась в среднем на 525 десятин, а по отдельным уездам и того больше – на 1 тыс. десятин посева. Словом, наряду с высокой обеспеченностью хозяйств усовершенствованным инвентарем значительная – пятая их часть им совсем не располагала [9, с. 61]. Однако, учитывая количество жатвенных машин, веялок, сортировок и молотилок, использовавшихся весьма рационально, можно предположить, что их «обеспечение» в крестьянском хозяйстве соответствовало нормам. Свидетельство тому – обеспеченность жатками в Томской губернии и Алтайском округе в расчете на десятину посева: в 1916 г. приходилось в среднем 60 десятин посевов на одну жатку, т.е. максимум на 10 дней работы. Но несмотря на это, аренда машин широкого распространения не получила. Так, в Томской губернии чужими (или наемными) сеялками пользовались лишь 0,14% всех хозяйств и 0,45% хозяйств, не имевших усовершенствованного инвентаря, косилками – соответственно 4,9 и 15,5% хозяйств. А в общей сложности, чужой инвентарь, включая и транспорт, использовали не более 33% хозяйств [9, с. 62].

В рассматриваемый период проявлялись и определенные тенденции в распределении сельскохозяйственного инвентаря среди отдельных категорий и групп населения. Степень насыщенности хозяйств усовершенствованными орудиями была больше всего, как это ни странно, у инородческого населения Западной Сибири. В частности, в Горном Алтае на 100 десятин посева приходилось 14,6 плуга, в то время как в целом по Алтайской губернии этот показатель не превышал 8,9%. Однако на один плуг в Горном Алтае приходилось всего 6,8 десятины посева, в то время как по губернии этот показатель равнялся 10,9 [5, с. 127].

Говоря об обеспеченности хозяйств усовершенствованным инвентарем, исследователи неизменно отмечают, что большая часть его находилась в руках зажиточного крестьянства. По данным Л.М. Горюшкина, в бедняцких группах один плуг приходился на 5–6 дворов, косилка или жатка – на 160 дворов, молотилка – на 223, а среди зажиточных хозяйств каждый второй двор имел косилку, жатку, каждый третий – молотилку. Что касается усовершенствованных орудий, то их, по мнению автора, многие зажиточные хозяйства имели по несколько единиц на двор [14, с. 118].

Отсутствие машин у основной массы крестьян объяснялось тем, что правительственные склады и частные фирмы продавали их по высоким ценам, что было недоступно не только бедняку, но даже середняку. Стоимость сноповязалки, к примеру, колебалась в 1912 г. от 409 руб. до 413 руб., жатки-самосброски – доходила до 200 руб., дисковой сеялки – до 230 руб. Это, что следует подчеркнуть, намного превышало стоимость всего имущества бедняцкого двора [4, с. 246]. К сказанному необходимо добавить и то, что помимо стоимости машины, на покупателя ее «падали» еще и расходы, связанные с ее перевозкой, таможенным налогом, содержанием продавца торговых контор и их отделений и др. Словом, покупая машины, даже середняки, не говоря уже о бедняках, неизменно попадали в зависимое положение от продавца. Поскольку это зачастую приводило крестьян к разорению, они и вступали в кооперативы, которые оказывали им «содействие и помощь». С этой же целью кооператив организовывал прокатные и сортировочные пункты. К такой практике довольно часто прибегал Алтайский кредитный союз, в районе действия которого (165 кооперативных обществ) крестьяне-кооператоры приобретали в основном куклеотборники. Так, в 1912 г. было приобретено 27 куклеотборников следующих фирм: Гейда (14); Вернера (3); Крюгера (1); Цудзе (1), кустарных (2) и куклеотборники неизвестной фирмы (6 шт.).

К ноябрю 1917 г. в районе действия Алтайского кредитного союза было создано 30 сортировочных пунктов, оснащенных машинами фирм Клейтона (4 сортировки), Эльворти (1), Триумф (1), Фуфаль (1) и

4 сортировки «неизвестных фирм». Кроме указанных машин, кредитные товарищества Алтайской губернии приобрели в 1917 г. 84 сеялки, 9 косилок, 6 конных грабелей и 9 жаток-самосбросок [15, с. 13, 16].

Прокатные и сортировочные пункты при кредитных товариществах представляли собой, в сущности, новое явление в Алтайском округе. В 1912 г. был организован один такой пункт в с. Тальменском. В 1913 г. к нему добавилось еще 5, в 1914 г. – 1, 1915 г. – 3, 1916 г. – 3 и 1917 г. – 3 пункта, т.е. в общей сложности в 1917 г. в округе имелось 16 прокатных пунктов. На них крестьяне приобретали в основном дисковые сеялки, а по мере надобности и другие машины. Например, Пристанское кредитное товарищество приобрело и сдавало в прокат начиная с 1914 г. молотилку, а с 1916 г. – несколько сеялок и драпач. Был прокатный пункт и в Коробейниковском кредитном товариществе, который начал свою деятельность с приобретения в 1915 г. дисковых сеялок. В 1916 г. им была куплена молотилка, а в 1917 г. – пружинный культиватор. В этом же ключе функционировало и Залесовское кредитное товарищество. Создав в 1913 г. прокатный пункт, оно купило для него косилку и конные грабли, в 1914 г. – еще две сеялки, сортировку и другой инвентарь [16, с. 19–21].

Характерным явлением для данных кредитных товариществ стала организация ими и ссыпных пунктов с «набором» соответствующих машин и орудий и дальнейшее расширение и углубление производственной деятельности на основе применения ими усовершенствованной техники и новых технологий. Сдавая в прокат машины, товарищества не переставали демонстрировать крестьянам, как техника

помогает увеличивать производительность труда. На конной косилке, и в этом убеждались сами арендаторы, можно было выкосить за 10-часовой рабочий день 5 дес., т.е. столько, сколько могли сделать 20 взрослых мужчин-косарей вручную. Высокую производительность показывали также жатки-самосброски, жатки-сноповязалки, заменявшие труд десятков рабочих. В течение рабочего дня, к примеру, один человек цепом способен был обмолотить 2 копны хлеба, ручной молотилкой – 3, конной – 6, а паровой – 8 копен хлеба.

Словом, выгода от применения машин была налицо. «Она» колебалась от 1 руб. 70 коп. до 3 руб. 8 коп. на одну десятину. При многодесятидневных посевах (а именно такие посевы имело зажиточное крестьянство Западной Сибири – основной покупатель машин) выгода даже удесятерилась [4, с. 243].

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать, что составной частью работы кооперативов в области агротехники было создание сельскохозяйственных складов с прокатными пунктами, где производилась не только продажа машин и орудий, но и сдача их в аренду на тот или иной сезон сельскохозяйственных работ. С другой стороны, ширившееся от года к году применение машин крестьянами содействовало также и естественному повышению культуры земледелия, увеличению посевных площадей, более тщательной вспашке, прополке, уходу за посевами, расширению посевов трудоемких культур, распространению удобрений, в частности, унавоживанию полей и т.д. Конечным итогом всего являлся подъем сельского хозяйства региона на более высокий уровень в количественном и качественном отношении, более интенсивное его втягивание в товарно-денежные отношения.

Библиографический список

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. – Л., 1968. – Т. 3.
2. Асалханов, И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И.А. Асалханов. – Новосибирск, 1975.
3. Алтайский сборник. – Барнаул, 1903. – Т. 5.
4. Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1976.
5. Чедурова, Е.М. Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Е.М. Чедурова. – Барнаул, 2007.
6. Складов, Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Складов. – Л., 1962.
7. Сельское хозяйство Сибири. – 1912. – № 3.
8. Календарь сибирской кооперации. 1917.
9. Иванцова, Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. / Н.Ф. Иванцова. – М., 1993.
10. Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. – М., 1911.
11. Огановский, Н.П. Народное хозяйство Сибири / Н.П. Огановский. – М., 1917.
12. Томская губерния : статистический очерк. – Томск, 1917.
13. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. – Томск, 1923.
14. Горюшкин, Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1967.
15. Алтайский крестьянин. – 1917. – №47.
16. Алтайский крестьянин. – 1917. – №46.